

ВЫСОЧАЙШИЕ ВЫЕЗДЫ ГОСУДАРЕЙ В ЭПОХУ ХЭЙАН*

ON THE ROYAL TRAVEL *Miyuki* IN HEIAN JAPAN

© 2020 **Максим Васильевич Грачёв**

кандидат исторических наук, доцент Кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (ИСАА МГУ); доцент кафедры стран Восточной Азии Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН); Москва, Россия; maxgr73@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-1092-9046

Maxim V. Grachyov

PhD (History), Associate Professor, Department of History and Culture of Japan, Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University; Department of East Asian Countries, State Academic University for the Humanities (GAUGN); Moscow, Russia; maxgr73@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-1092-9046

В работе выявляются основные принципы конструирования сакрального пространства в раннесредневековой придворной культуре Японии посредством изучения истории *миюки* (буквально «путешествие, [приносящее] счастье»). В этом

контексте анализируются дневники придворной знати, тексты правовых установлений и актовая документация. *Тююки, Мидо кампакуки, Рё-но сюэ, Сайкюки, Сёюки, Тэйсин коки и Дзэнтюки* рассматриваются как уникальные источни-

- * Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).
- * The article was executed at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) according to the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 «Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History»).

ки по истории государственного церемониала японского раннего средневековья, наполненные красочными деталями. Акцент в исследовании сделан на типологии «высочайших выездов» и особенностях их осуществления в жизни императорского дворца. Особенное внимание уделено наиболее торжественным церемониальным событиям. Среди них — *хиякуги* (досл. «церемония летающей почты»), *осиндай миюки* (досл. «визит в усадьбу сановника») и посещение правителем синтоистских святилищ. Надлежит констатировать, что «высочайшие выезды» представляли собой отчетливо выраженный полифункциональный комплекс, отдельные аспекты которого еще ждут своего исследователя. Полученный результат существенно корректирует уже известную культурную историю дворцовых резиденций японского императорского дома.

Ключевые слова: Япония, эпоха Хэйан, высочайший выезд, *миюки*, летающая почта, транспортная система, усадьба, синтоистское святилище, буддийский храм, небесные знаки, император, чиновничество, ритуал, церемониал

Для цитирования: М. В. Грачёв. Высочайшие выезды государей в эпоху Хэйан. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020. № 1–2. С. 159–174. DOI: 10.18254/S268684310012379-4

The article deals with the basic principles of sacred space formation in the early medieval

Japanese court culture via the study of the history of *miyuki* (literally “travel [bringing] happiness”). In this context, the diaries of the court nobility, the texts of legal regulations and numerous acts of documentation are analyzed. *Chuyuki*, *Midokampakuki*, *Ryo no shuge*, *Saikyuki*, *Shoyuki*, *Teishin koki*, and *Zenchuki* are considered as unique sources of the history of the state ceremony of the Japanese early middle ages, filled with colorful details. Emphasis is placed on the typology of *miyuki*, featuring its use in the life of the imperial palace. The study focuses on the most solemn ceremonial events. Among them, *hiyakugi* (literally “flying mail ceremony”), *oshindai miyuki* (literally “visit to a dignitary’s estate”) and visits to Shinto shrines are explored in detail. It should be stated that *miyuki* was a distinctly expressed polyfunctional complex, some aspects of which are still waiting for its researcher. The result obtained significantly corrects the already known cultural history of the palace residences of the Japanese imperial house.

Key words: Heian Japan, supreme exit, *miyuki*, flying mail, transportation system, manor house, shinto shrine, Buddhist temple, celestial signs, emperor, bureaucracy, ritual, ceremonial routine

For citation: Maxim V. Grachyov. On the Royal Travel *Miyuki* in Heian Japan. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2020. No. 1–2. Pp. 159–174. DOI: 10.18254/S268684310012379-4

Государственная идеология в ранней Японии с особенной настойчивостью провозглашала, что государь — образец поведения, мерило нравственности, инициатор любых главенствующих начинаний. Правителю было не дозволено нарушать существующий порядок, ибо его наиглавнейшая задача состояла в поддержании существующих норм и ценностей, в чем и заключался долг священного государя.

Поскольку в семиотическом поле архаического пространства объезд территории (и даже обход ее пешком) ассоциировался с ее приобретением, государю надлежало регулярно совер-

шать поездки (Илл. 1, 2) Начиная с правления государыни *Дзито* (прав. 690–697) до окончания правления *Камму* (прав. 781–806), японские божественные правители 292 раза покидали дворцовый комплекс (108 раз поездка осуществлялась за пределы столичного града) [Касахара Хидэхико, 1993, с. 10]. Такой «высочайший выезд» назывался «*миюки*» — «путешествие, [приносящее] счастье».

Обратимся к мнению Фудзивара Нагаката (1139–1191), которому посчастливилось в качестве свитского челядинца участвовать в поездке государя-инока (*инсэй*) Госиракава (прав.

1155–1158; ум. 1192 г.) в 1169 г¹, пребывая от Госиракава в непосредственной близости². *Нагаката* был восхищен размахом мероприятия³, рассыпаясь в комплиментах Госиракава и сравнивая поездку государя-инока с «высочайшими выездами» императоров. В дневнике Фудзивара Нагаката находим тонкое определение сокровенной сути поездки правителя: повсеместно, «куда бы не направился государь, [он] озаряет пространство светом благополучия» [*Дзэнтюки* (Као), 1–4–28, 1169].

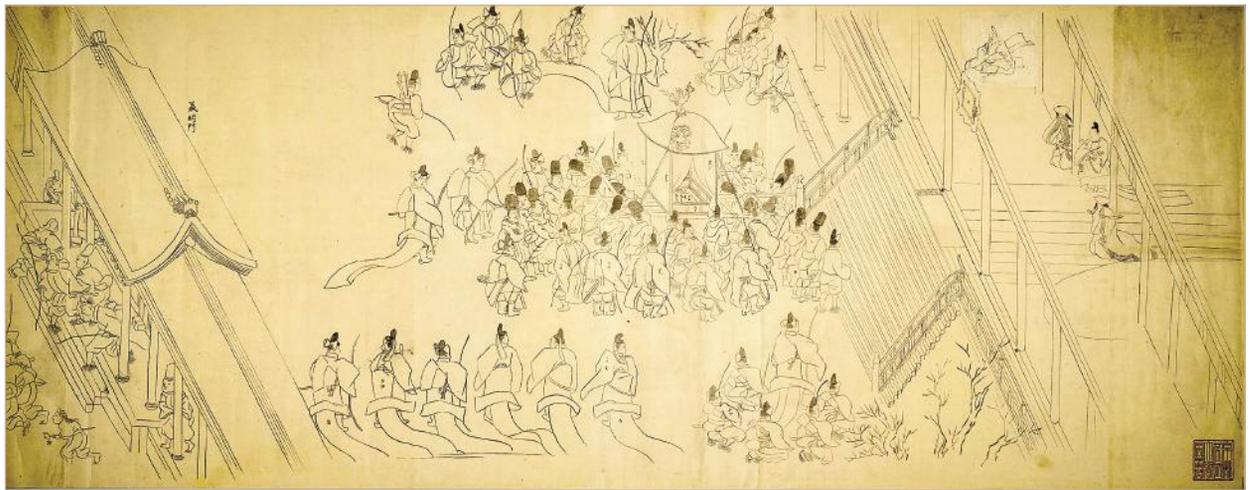
Во время поездки государя (как и во время ежегодного объезда владений управителем провинции, а также при встрече послов иностранной державы или при отбытии японских посланников по месту назначения) рутинные процедуры служебной повседневности, как предоставление распорядителю комплекса подорожных документов и их обязательное предъявление на почтовых станциях, соблюдались неукоснительно⁴. Этими процедурами, конечно же, никто не обременял высоких персон, ибо существовали специальные чиновники, которые неусыпно следили за соблюдением установленных распорядков, дабы не произошло никаких неприятных инцидентов [*Рё-но сюэ*, 1972, Т. 4, с. 858].

В состав кортежа государя, как и сановного царедворца, входили специальные служащие, оповещавшие окружающих о присутствии на дороге высокородной персоны. В случае с «высочайшим выездом» такой слуга именовался *кэйхицу* — глашатаем, преграждавшим путь случайным прохожим во время движения государственной процессии [*Сайкюки*, 1993, с. 650]⁵.

Миюки зачастую сопровождали различные церемониальные мероприятия увеселительного свойства. В 1013 г. выезд императора Сандзё (прав. 1011–1016) сопровождался скачками. Организатором скачек стала личная государева охрана (*Коноэфу*), которая не только отобрала лучших наездников и стрелков, но и заранее провела репетицию действия. Само предприятие в итоге увенчалось успехом, хотя и не обошлось без происшествий (все виновники были сурово наказаны) [*Сёюки* (Тёва), 2–8–27, 2–9–7, 2–9–9, 2–9–10, 2–9–13, 2–9–21, 1013]⁶.

В церемониальном своде начала IX в. «*Гисики*» подробным образом фиксируется последовательность действий по случаю отъезда правителя из столичного града и следования по дороге. Этот церемониал назывался *хиякюги* (досл. «церемония летающей почты») и отправной точкой

- 1 В 1170, 1171, 1175 и 1179 гг. Нагаката был вхож в ближний доверительный круг правителя и, будучи главой личной государевой канцелярии, а позднее советником двора, участвовал в «высочайших выездах» императора Такакура (прав. 1168–1180).
- 2 В Китае еще с ханских времен считалось, что пребывание рядом с августейшим правителем дарует удачу и благоденствие [Казахара Хидэхико, 1993, с. 1].
- 3 Госиракава любил исключительно помпезные предприятия, не всегда обращая внимание на опасности, таящиеся в перспективе. Иногда траты на поездки были настолько велики, что это ощутимо сказывалось на государственной казне. Тревожность у подданных вызывало еще одно обстоятельство: страх подданных перед гневом и мстительностью (этой чертой Госиракава был обильно наделен) Госиракава грозили пугающими последствиями. По словам сановника Тайра Нобунори (1112–1187) вояж Госиракава в 1169 г. в святилище Кумано обернулся катастрофой: императорский двор обезлюдел, что привело к полнейшему застою в области делопроизводства [*Хёханки* (Нинъан), 4–1–7, 1169].
- 4 В «*Сёку нихонги*» содержится примечательная запись о том, что после прибытия государя Сёму (724–749) во временную столицу в Кунь был послан специальный чиновник принц Мамута, дабы «забрать почтовые колокольчики» (они представляли собой часть обязательного набора подорожных документов и использовались во время поездки правителя) и доставить их обратно в Большой государственный совет [*Сёку нихонги* (Тэмпё), 16–2–1, 744].
- 5 О «*кэйхицу*» также см.: [*Сёюки* (Сёряку), 2–9–16, 992; (Канко), 8–8–27, 1010; (Мандзю), 1–1–23, 1024].
- 6 Во время скачек гостям обильно подавались *сакэ* и закуски. Пиршество порой приводило к курьезам: участники, изрядно захмелев, могли не найти свои туфли или перепутать паланкины [*Тююки* (Эйтё), 1–1–28, 1096]. В «*Ши цзин*», считавшейся учебным текстом для будущих государственных служащих японского императорского двора, между тем, сказано: «Выпить вина — что ж, обычай сей очень хорош, если притом и осанку, и честь сбережешь» [*Ши цзин*, 1987, с. 204].

Илл. 1. Тёкин миюки — «высочайший выезд» императора к отцу, экс-императору

Иллюстрированный свиток рубежа XII и XIII вв. Нэнтюгёдзи эмаки (тёкин миюки). По: URL: <https://rmda.kulib.kyoto-u.ac.jp/item/rb00013537#c=0&m=0&s=0&cv=2&r=0&xywh=-1360%2C1157%2C8203%2C2530>

путешествия государя был южный сад, находящийся рядом с дворцом Пурпурных покоев [Гисики. Дайрисики, 1981, с. 288–292].

Исследователи полагают, что «летающая почта», в целом функционировала вполне отлаженно и использовалась в основном для спешных дел, как то: «высочайшие выезды», встречи и проводы послов, доставка депеш в случае экстренной необходимости (мятежи и волнения среди самураев на северо-востоке японского государства, а также нападения пиратов на японское побережье) и т. д. [Янагио Таро, 2012, с. 1–15]. При этом нормативы, прописанные со всей строгостью в кодексе «Тайхо Ёро рё», оказались тяжелы для реализации и, скорее всего, указывали на некую гипотетическую конструкцию, принятую волевым решением и с особой настойчивостью постулируемую государством. В законе было указано: «Если дело не требует отлагательств, то за один день [курьер (экиси) должен покрыть расстояние] в десять почтовых станций, если дело не столь спешное, тогда восемь почтовых станций; во время возвращения по делу не столь срочному — не менее шести почтовых станций» [Рё-но сюгэ, 1972, Т. 4, с. 853–854; Рицурё, 1994, с. 392–393]. Пояснения

к закону ясно определяют наказания за опоздание курьера, отправленного по срочным и иным делам: один день неспешного движения приравнивался к 30 ударам легких бамбуковых палок, а за каждые последующие два дня опоздания следовало увеличение наказания на одну степень. Опоздание по причине преступного умысла каралось одним годом каторжных работ. Если срочность отправки была вызвана военной необходимостью, то наказание ужесточалось сразу на три степени. Когда опоздание курьера способствовало нанесению ущерба государственным интересам, то один день задержки в пути мог стоить курьеру трех лет каторжных работ, а каждый последующий день опоздания увеличивал экзекутивную меру на одну степень, что самым существенным образом уменьшало шансы виновного в нарушении существующих законов выйти после исполнения наказания живым и здоровым [Рё-но сюгэ, 1972, Т. 4, с. 854; Рицурё, 1994, с. 74–75].

Расчеты Танаами Хироси убедительно показали, что нормы «скоростной» доставки документации, по всей вероятности, были далеки от реальности. Если закон требовал в случае «спешности дела» в течение дня проезжать 10 почто-

вых станций (т. е. ок. 160 км), то свидетельства государственных хроник от 836 и 877 гг. позволяют усомниться в реальности существующих нормативов. В 836 г. путь из управы Дайдзайфу на о-ве Кюсю в столицу занял 13 дней, однако, если бы соблюдались зафиксированные в «*Тайхо Ёро рё*» нормы, то время в пути должно было составить около шести дней. В 878 г. из провинции Дэва было доставлено срочное донесение (время в пути превысило существующие нормы и составило также 13 дней). Таким образом, вместо положенных по закону 160 км ежедневного покрытия дорожного пространства, на практике движение было не столь стремительным — 60 (пример 836 г.) — 100 (пример 878 г.) км в день [Танаами Хироси, 1969, с. 146–147], что в любом случае существенно превышало нормативы установленные для движения обозов с товарами и передвижений трудомобилизованных крестьян к месту прохождения государственной трудовой повинности, а также сопровождавших их чиновников: на лошади в день 70 *ри* (ок. 40 км), пешком — 50 *ри* (ок. 28 км) в повозке — 30 *ри* (ок. 16 км) [Рё-но сюгэ, 1972, Т. 4, с. 911].

Из источников известно, что в начале X в. при государе Дайго систему скоростной почты-*хияку* подвергли реорганизации по причине недостаточной эффективности при очевидной многочисленности обсуживающего персонала почтовых станций. Такое переустройство вскоре дало положительный результат и в дневнике Фудзивара Тадахира (880–949)⁷ мы находим примеры исключительной важности и полезности эффективного функционирования дорожной инфраструктуры⁸. В конце X – первой половине XI в. *хияку*, как и другие структурные элементы дорожно-транспортной системы (почтовые станции, лодочные станции, переправы и т. д.),

представляли собой отлаженный механизм, который, заметим справедливости ради, имел недостатки и был далек от идеала, зафиксированного в законодательном своде «*Тайхо Ёро рё*», но с учетом всех обстоятельств может быть признан высококачественным и вполне результативным, исходя из уровня развития транспортных технологий в эпоху Хэйан [Сёюки, 1959–1986 (Тётоку), 3 – 1 0–1, 997, (Канко), 9–8–7, 1012, (Тёва), 5–2–26, 1016, (Каннин), 3–4–17, 3–4–18, 3–4–20, 3–4–27, 1019, (Тёгэн) 1–7–18, 1028].

Разносторонние регламенты охватывали не только столичный уровень государственного управления, в центре которого неизменно должен был пребывать император, но и периферийный. Новый управитель провинции, вступая во владение подведомственной территорией, должен был отчетливо осознавать, что качество осуществления служебных обязанностей и строжайшее соблюдение совокупности необходимых для исполнения процедур представлялось неотъемлемой составляющей профессиональной пригодности местных чиновников.

Обширное собрание актового материала «*Тёя гунсай*» («Обзорение двора и дальней округи», нач. XII в.) позволяет реконструировать совокупность обязательных для выполнения провинциальными управителями процедур, по крайней мере, начиная с X в. Тщательность исполнения зафиксированных в «Реестре провинциальных дел» (*Кокуму дзёдзёдзи*) процедур могла стать залогом успешного прохождения аттестации и дальнейшего повышения по службе [Грачёв, 2012, с. 81–83]. В ином случае неспособность должностного лица осуществлять весь комплекс рутинных процедур и условностей могла привести к тому, что «ответственный чиновник» мог «потерять лицо» и воспринимался как непригод-

7 Текст дневника восстанавливается по сокращенной версии, составленной сыном Фудзивара Тадахира, Фудзивара Санэёри (900–970), охватывающей период 907–948 гг. С наибольшей полнотой до наших дней дошли записи за 939 и 940 гг.

8 Благодаря *хияку* сообщения о действиях «мятежника» Тайра Масакадо доходили до столицы в кратчайшие сроки [Тэйсин коки (Тэнгё), 2–12–27, 2–12–29, 939, 3–1–18, 3–2–25, 3–2–29, 3–3–5, 3–4–13, 940]. О функционировании скоростной курьерской почты также см.: [Тэйсин коки (Тэнгё), 2–8–11, 939; 3–1–12, 3–1–25, 3–2–1, 3–4–12, 940; Хэйан ибун, 1947–1980, (Тэнгё), 3–2–27, 940].

ный. Таких невежественных людей сравнивали с разорванной, негодной для употребления одеждой [Тяя гунсай, 1964, с. 45–47].

Первейший круг обязанностей правителя провинции состоял в осуществлении должного управления вверенной ему правителем территории, охранителем и попечителем которой является управитель, обязанный подавать пример безупречной чистоты и высоких моральных качеств⁹. По этой причине закон обязывал его ежегодно объезжать свои владения с целью наведения порядка и установления справедливости [Рё-но сюгэ, 1972, Т. 1, с. 164; Рицурё, 1994, с. 236].

Такая практика, по всей вероятности, восходит к магико-ритуальному и политическому действию, осуществлявшемуся государями еще с глубокой древности и имевшему наименование «обозрение страны» (*куними*). «*Куними*» производились с целью благоустройства страны через наблюдение и были самым тесным образом связаны с «восхвалением страны» (*кунихомэ*), направленным на обогащение и процветание страны, а также умиротворение «духов земли». Религиозно-ритуальные функции «*куними*» и «*кунихомэ*» дополнялись функциями социальными: еще не существовало инструментов, заменявших личный контакт, ибо управлять подведомственными территориями, не покидая дворца (и столицы), было крайне затруднительно. Для поддержания авторитета и сохранения верности подданных надлежало беспрестанно появляться в разных районах в сопровождении не столько свиты (которая, вне сомнения, приобретала особое значение), сколько вооруженного отряда. Систематичность процедуры имела колоссальное значение в деле удержания власти, сохранения престижа, поскольку игнорирование государя местными владельцами было немислимо.

Традиция «обозрения страны» в немалой степени способствовала оформлению такого полифункционального комплекса, как «высочайшие выезды», включающего в себя политическую, судебную, экономическую, религиозную, ритуально-магическую, коммуникативную, символическую и некоторые другие функции, присущие государям. Все это, разумеется, понятия нашего времени, ибо люди древности и средневековья воспринимали вышеозначенные функции как многочисленные обыкновения, объединенные таким общим понятием как «высочайший выезд».

«Высочайший выезд» представлял собой основательное и чрезвычайно масштабное мероприятие, подготовка к которому могла осуществляться длительное время и требовала соблюдения многочисленных условностей (политического, религиозного и бытового свойства). Правила проведения «высочайших выездов» подробнейшим образом зафиксированы в хэйанских церемониальных сводах [Бокудзансё, 1994, с. 516, 518–520, 546–548; Сайкюки, 1993, с. 614–621, 649–652, 654–656, 678; Энгисики, 1998. Т. 2, с. 370, 382, 387, 437, 473, Т. 3, с. 718, 751, 813, 821, 920, 956, 962, 986]. Даже несмотря на то что в хэйанских историко-литературных источниках на первый план выступает эстетическая (зрелищная) сторона *миюки*, по всей видимости, в сознании придворной аристократии «высочайшие выезды» самым тесным образом были связаны и с обеспечением стабильности государства (показательно, что столичные аристократы по примеру государей также осуществляли «выезды» с целью контролирования подведомственной территории), на что указывают нарративные и делопроизводственные источники IX–XII вв.¹⁰

Для нашего исследования небезынтересно такое ритуальное действие, как «песенное шествие» (*тока*), не раз упоминаемое в контексте «высо-

9 Закономерно, что наименование должности управителя провинции устанавливается как *кокусю*, где коку (иначе *куни*) — обозначение территории провинции, а *сю* (или же *мамору*) имеет значение «охранять», «защищать», «соблюдать законы» и «блюсти высокие идеалы нравственной чистоты».

10 Возможность таких поездок с правом использования почтовых станций по мере надобности, но без государственного довольствия, предусмотрена уже в кодексе «*Тайхо Ёро рё*» [Рицурё, 1994, с. 481]. О частных поездках знати в эпоху Хэйан напр. см.: [Оота Сэйроку, 1981, с. 1–18].

Илл. 2. Тёкин миюки. По: *Мацуригото-но тэнкай* (Становление ритуалов). Киси Тосио (ред.) Токио: Тюко бунко, 1996. Вклейка 26

чайших выездов» правителей. Еще в глубокой древности в Японии существовали сезонные обряды *утагаки* (досл. «песенная изгородь») ¹¹, проводившиеся весной и осенью, когда при помощи движений танца земле, уставшей после явления плодов, возвращалась жизненная сила, что служило гарантией обеспечения плодородия на будущее. Одной из производных *утагаки* были «песенные шествия», направленные на достижение успокоения и утешения, о чем, в частности, свидетельствуют слова *фуминарасу* (досл. «ступая, успокоить»), сопровождающие «песенное шествие» в 770 г. Впоследствии *тока* становится частью придворного церемониала и проводится в 16-й день 1-го лунного месяца [*Гисики. Дайрисики*, 1981, с. 202–205, 334–335; *Гокэ сидай*, 1991, с. 147–155; *Сайкюки*, 1993, 85–87]. Следует согласиться с Ёсино Нитаматти, что «песенное шествие» корреспондирует с обрядом «обозрения страны»: государь, любясь танцующими, преобразует пространство и распространяет

свою власть на территорию государства. Песни с пожеланиями устойчивости и долговечности государю и его двору, исполняемые во время *тока*, назывались *мияхомэута* (досл. «песни, восхваляющие дворец»), а акт лицезрения самого действия именовался *горанни нару* (уважительная форма глагола «смотреть») ¹². Погружение в единый ритм танца способствовало формированию чувства сплоченности и единения, в танце была заложена магическая сила, притягивающая и умиротворяющая символика, непостижимая в обычных ситуациях, доказывающая его многозначительный характер.

Сразу после возведения новой столицы Хэйанкё («Град мира и спокойствия») государь Камму во время пиршества в окружении высокопоставленных чиновников двора лицезрел «песенное шествие», во время которого слуху государя предстала вот такая песня: «Со времен стародавних известно: [провинция] Ямасиро — благостное место. Жилище государя, что недавно возве-

11 Вероятнее всего обряд «*утагаки*» имел китайское происхождение. Во время «*утагаки*» образовывались временные брачные пары, возжигались костры, осуществлялось разделение на команды для песенных соревнований.

12 Здесь мы можем видеть пример восприятия ритуала в качестве мощного средства преодоления критических фаз в жизни общества [Ёсино Нитаматти, 1997, с. 89–93].

дено, — восхитительно. В окрестностях долины и ровные дороги, взор простирается на тысячи *ри*. Для описания красот, простирающихся во круг, не подобрать слов. *Славна новая столица. Благодатна земля Хэйан. Тысячу лет ей стоять.* Сердца людей открыты и являют благость. Дворец, словно величественный храм, нареченный [местом] мира и спокойствия, не состариться ему никогда и стоять на вечные времена. *Славна новая столица. Благодатна земля Хэйан. Тысячу лет ей стоять.* В начале года, в первый лунный месяц Полярная звезда¹³ ярко сияет в благородном космосе и все вокруг наполняется благодатным светом наступившей весны. Красивые девы стоят в ряд, рукав к рукаву, их движения сообразны ритму весны. В танце [устанавливают они] дальние рубежи власти государя. *Славна новая столица. Благодатна земля Хэйан. Тысячу лет ей стоять.* И простолюдины, и знатные преисполнены благодатными чувствами, а сердца их — восхищением. Даже за пределами столицы — благодать, повсеместно поют хвалу восторженные голоса. Этот танец великого умиротворения, прославляющий новый столичный град, на веки вечные преподносим в саду августейшего государя. *Славна новая столица. Благодатна земля Хэйан. Тысячу лет ей стоять*» [Нихон коки (Энряку), 14–1–16, 795].

«Высочайшие выезды» способствовали выработке способов, правил и традиций сосуществования правителя — как с представителями государства рода, так и с выходцами из самых именитых фамилий столичного региона и дальней округи. Иными словами, одна из целей *миюки* состояла в установлении контактов со столичной знатью и региональными элитами. *Миюки* были одним из немаловажных инструментов обеспечения оптимального взаимодействия членов социума и самих социумов. Государь использовал выезды как средства вознаграждения и наказания (к примеру, в зависимости от того, получал или нет подданный приглашение принять участие в выездном мероприятии), тем самым заменяя

реальные вознаграждения воображаемыми, но не менее ощутимыми с точки зрения придворных. Благосклонность правителя к одному аристократу порой вызвала ревность других представителей придворного общества, что позволяло использовать такую ситуацию в качестве мощного рычага воздействия на столичную и провинциальную знать.

Зачастую политическая функция «высочайших выездов» переплеталась с судебной функцией, например, в случаях, когда требовалось примирить враждующие группы или конфликтующих аристократов, помогая если не снять напряженность, то, по крайней мере, снизить ее порог. Особый интерес вызывают выездные пиршества. Они представляли собой не столько увеселительные мероприятия, сколько дело государственной важности, игнорировать которое было нельзя. И хотя приглашенные на пир съезжались скорее по необходимости, чем по собственной воле, участие в пиршестве воспринималось аристократами как знак особого расположения государя и возможность утвердить свое положение, добиться дальнейшего процветания, усиливая отличия от нижестоящих и сокращая различия с вышестоящими придворными.

По всей видимости, *миюки* можно рассматривать и как один из каналов передачи культурной информации от государя к окружению (представителям знатных родов) и далее от его окружения к клану-*удзи* и семье-*иэ*. В таком качестве *миюки* представляли собой один из компонентов хэйанского двора как центра культуры, где конституировались и закреплялись важные для сознания подданных представления о величии государя и дистанции, отделявшей его от простых смертных, откуда распространялись и инициировались новые культурные течения и нормы поведения.

Рассмотрим пример совершения целенаправленного выезда государя в усадьбу придворного сановника на примере событий 1008 г., когда в отношениях между государем Итидзё (986–

13 Ключевой небесный символ правителя, имеющий огромное сакральное значение.

1011) и Левым министром Фудзивара Митинага начинает обнаруживаться охлаждение. Холодность между правителем и его ближайшим сановником самым непосредственным образом связывается, с одной стороны, с амбициозностью и жадной властью Фудзивара Митинага (его придворная карьера находилась на подъеме, поскольку уже в 996 г. в возрасте 31 года он становится Левым министром), а с другой, желанием молодого государя Итидзё самостоятельно устанавливать «политический курс»¹⁴.

Формальным поводом для «высочайшего выезда» государя Итидзё в усадьбу Фудзивара Митинага стало желание правителя увидеть собственного сына (принц Ацухира, будущий государь Гоитидзё, прав. 1016–1036), рожденного от дочери Фудзивара Митинага Сёси (супруга Итидзё).

Попытаемся реконструировать хронологию событий на материалах дневника Фудзивара Митинага.

9-й лунный месяц 1008 г.

11-й день: «В час Быка (01.00–03.00. — М. Г.) появился на свет первенец государыни [принц Ацухира]»¹⁵.

25-й день: государь в беседе с Фудзивара Митинага, прибывшим по его требованию во дворец в спешном порядке, определяет свое намерение: «Желаем Мы в ближайшее время посетить с визитом усадьбу Цутимикадо»¹⁶ [*Мидо кампакуки* (Канко), 5–9–25, 1008].

26-й день: запрашивается мнение служащих ведомства сил Инь и Ян (*Оммёрё*) относительно дня «высочайшего выезда» и рассылаются соответствующие распоряжения в различные дворцовые департаменты [*Мидо кампакуки* (Канко), 5–9–26, 1008].

28-й день: «знатоки Темных и Светлых сил» Камо Мицусёси и Абэ Ёсихира представляют подробный доклад, из которого явствует, что самыми подходящими датами для поездки в усадьбу Цутимикадо являются 13, 16, 17-й дни следующего лунного месяца; из донесения служащего Ревизионной канцелярии понятно, что менее всего удобен для осуществления *миюки* 13-й день следующего лунного месяца [*Мидо кампакуки* (Канко), 5–9–28, 1008].

10-й лунный месяц.

16-й день: «Ранним утром закончилось приготовление. Я отправился во дворец Даири. Во второй четверти часа Змеи (09.30–10.00. — М. Г.) государь выехал через Восточные ворота, в первой четверти часа Лошади (11.00–11.30. — М. Г.) прибыл в Цутимикадо. Государь въехал через Западные врата. Не покидая паланкина (*микоси*. — М. Г.), проследовал¹⁷ в спальный павильон Синдэн. Высшие сановники заняли места к юго-западу от государя. Ближний круг доверенных лиц (*тэндзёбито*. — М. Г.) разместился на юго-востоке. Лодки с музыкантами находились на южной стороне».

Когда все заняли свои места, я предстал перед государем. Государь изволил увидеть юного принца. Я держал его на руках, а потом государь сам взял его на руки. После этого я вернулся на свое место среди «кугё»¹⁸. Совершили несколько возлияний сакэ. В это время государь снял верхнюю накидку своих церемониальных одежд. Ему поднесли в качестве утренней трапезы кушанья. Прислуживала Татибана Норико, 3-й ранг, из столового управления. Следующие подносы с яствами приносили придворные дамы из дворца Даири. Государь обратился с призывом к Мина-

14 Примеры охладевших отношений засвидетельствованы в дневнике Фудзивара Митинага. Приведем лишь один: представляется, что раздражение 40-летнего Левого министра, явленное в словах «Как же мне донести значительность проблемы до государева слуха?» связано с нежеланием 26-летнего правителя прислушиваться исключительно к его советам, игнорируя инициативы других подданных, а также стремлением реализовать собственные идеи [*Мидо кампакуки* (Канко), 2–1–10, 1005].

15 Сын государя Итидзё, внук Фудзивара Митинага [*Мидо кампакуки* (Канко), 5–9–11, 1008].

16 Усадьба Фудзивара Митинага.

17 Точнее было бы сказать: государя внесли в паланкине.

18 Т. е. влиятельных царедворцев.

мото Митиката, приказав мне составить указ о присвоении младенцу титула принца крови (*синно*)¹⁹. Я сразу же отдал распоряжение Минамото Митиката²⁰. К младенцу был приставлен помощник главы Правой привратной охраны Фудзивара Таданобу.

Далее сановники и старшие чины государственных управ выразили свое восхищение по поводу рождения у государя сына. В северной части Южного сада, обращая лицом к востоку, совершили традиционный благодарственный танец-*хайму*²¹, после чего вернулись на свои места. Фудзивара Таданобу с возгласами радости приблизился к средним воротам. Потом, позвав людей, подняли бамбуковую штору перед государем. Поставили *гоиси*, специально приготовленный для государя стул. Посредине павильона Синдэн постелили подстилку для сидения.

Государь сначала позвал меня одного, приказав наградить чиновников, приставленных к государыне, матери младенца. Затем подозвал остальных сановных особ. Я, выслушав распоряжения государя, занял свое место. Тем временем прибыли исполнители лодочной музыки (*фунаонгаку*. — М. Г.). В северной части пруда остановились лодки, начали исполнять музыку. Были исполнены две китайские и две корейские мелодии. После этого появились еще две лодки. Всего было четыре лодки. В это время сановникам двора преподнесли ткани *цуикасанэ*. Государю подали легкие кушанья в качестве ужина. Эти кушанья приготовила сама государыня, Фудзивара Сёси. Первый поднос преподнес наставник наследника престола Фудзивара Митицуна. Рис подали сановники-*кугё*. Фудзивара Митицуна также поднес государю сакэ. После того как музыканты с кораблей сошли на берег, им приказали при-

близиться к месту, где расположился государь. Они исполнили несколько мелодий.

Внутренний министр Фудзивара Кинсуэ преподнес государю цветок *кадзаси*. Сановники также приколотили эти цветы к своим головным уборам. Когда играла Тёкэиси, я исполнил танец. Сановникам двора были пожалованы дары. От государыни правитель получил три подарка: флейты *со*, *ёкофуэ* и *комафуэ*. Их торжественно вынесли управитель дворца государыни, старший помощник управителя дворца государыни и ревизор дворца государыни, сообщив окружающим имена флейт. После этого государь удалился в *госё*, место, приготовленное для его отдохновения в усадьбе. Сановники заняли места к западу от *госё*.

Государь пожелал видеть Минамото Митиката и Правого министра Фудзивара Акимицу. Правый министр явился пред очи государя и написал список претендентов на повышение в ранге. Началось обсуждение. Государь испросил совета Фудзивара Митинага по поводу повышения некоторых лиц. Наконец список новых повышений в ранге был составлен и его приказали огласить перед присутствующими гостями. Правый министр Фудзивара Акимицу возвратился на свое место.

Среди лиц, получивших повышение в рангах, мы находим имена:

- Фудзивара Таданобу (967–1035, фаворит государя Итидзё)
- Минамото Тосиката (959–1027, фаворит государя Итидзё)
- Фудзивара Ёримити (992–1074, старший сын и наследник Фудзивара Митинага, будущий канцлер-*камтаку*)
- Фудзивара Норимити (996–1075, 5-й сын Фудзивара Миитинага, будущий канцлер-*камтаку*);

19 Обретение статуса принца крови обладало несомненной полезностью, поскольку в перспективе обладатель титула *синно* мог стать наследником престола (*тайси*).

20 Минамото Митиката (968–1044) был вхож в ближний круг императора Итидзё. Возглавлял личную государеву канцелярию (*Куродо докоро*) и в силу возложенных на него полномочий был широко информирован.

21 Танец *хайму* — церемониальное действие, сопровождающее повышение чиновника в рангах и должностях.

– Фудзивара Суээри (фаворит Фудзивара Митинага)²²

– Минамото Ринси (964–1053, первая супруга Фудзивара Митинага, мать государыни Сёси, бабушка только что родившегося наследника, принца Ацухира).

После оглашения достойных имен, Фудзивара Миитинага, слушавший повеление стоя, и Внутренний министр Фудзивара Кинсуэ выразили благодарность. После этого государь возвратился обратно во дворец [*Мидо кампакуки* (Канко), 5–10–16, 1008].

«Высочайший выезд» государя Итидзё в усадьбу Фудзивара Митинага в 1008 г. — яркое подтверждение полифункциональности *миюки*, когда отдельные функции взаимно переплетаются, а иные функции отступают на второй и третий план перед другими, создавая немалое трудности для исследователей, пытающимся построить классификационную систему, предполагающую иерархию функций «высочайших выездов» [Судзуки Кэйдзи, 1989, с. 26–55]. Во время пребывания государя в усадьбе Цутимикадо отчетливо просматривается экономическая функция *миюки*, связанная с процессом редистрибуции и зачастую реализуемая во время пиршеств, возглавляемых государем и

включающих широкий круг участников. В то же время государь Итидзё отчетливо демонстрирует свое положение, требуя признания подчинения, укрепляя связи как с сопровождающими его лицами, так и с Фудзивара Митинага, гостем которого он является, а законы гостеприимства предписывали незыблемость радушного приема по отношению к именитым гостям. Атмосфера, царящая во время «высочайшего выезда», должна была создавать чувство единства правителя и его подданных, находящихся в постоянном общении и радеющих за судьбу страны.

Наконец, *миюки* 1008 г. свидетельствует о важности достижения компромисса между государем и сановниками в рамках политики двора. Не противоречия, но консенсус; не борьба политических группировок, способствующая разладу и грозящая гибели государства, а равновесие интересов. Представляется, что повышение в рангах, с одной стороны, чиновников, коим благоволил государь²³, а с другой, сыновей Фудзивара Митинага (несмотря на их относительную молодость²⁴ и неопытность в деле служения государству²⁵), его супруги и придворного, которому покровительствовал Фудзивара Митинага, — все это хорошо иллюстрирует социальную функцию «высочайших

22 Кандидатура Фудзивара Суээри (?) в списке поощрений новыми рангами вызывает отдельный интерес (Фудзивара Митинага поместил имя Суээри в конец списка). Сведения о Фудзивара Суээри, сохранившиеся в дневниках Фудзивара Митинага и Фудзивара Санэсукэ, не столь обширны. Известно, что Суээри был значимой фигурой в хозяйственном департаменте усадебного комплекса Фудзивара Митинага (*мандокоро*). Это был нужный человек, вероятно, эффективный хозяйственник, пользовавшийся благосклонностью Фудзивара Митинага. Хотя Суээри поднялся до четвертого ранга, высоких должностей при дворе не снискал. Некоторое время был управителем провинции Тоса [*Мидо кампакуки* (Канко), 6–8–23, 1009, (Тёва), 2–10–16, 1013; Сёюки (Канко), 5–9–11, 1008, (Тёва), 5–2–14, 1016].

23 Четыре ближайших доверенных лица государя Итидзё (так называемые «четыре советника», *синагон*), к числу которых, помимо Фудзивара Таданобу и Минамото Тосиката, принадлежали Фудзивара Кинто (966–1041) и Фудзивара Юкинари (972–1028), находились в сложных (порой даже конфликтных) отношениях с Фудзивара Митинага, но поскольку они были высокопоставленными государственными служащими и фаворитами государя, Фудзивара Митинага приходилось сдерживать разочарование и искать пути сотрудничества.

24 Фудзивара Ёримити к тому времени было 17 лет, а Фудзивара Норимити едва исполнилось 12 лет.

25 Недостаток опыта придворной службы состоял в том, что и Фудзивара Ёримити (5-й придворный ранг получил в 12 лет, служил в свите государя, а также на офицерских должностях в гвардейских управах, в 13 лет был назначен помощником управителя провинции Оми, но к месту назначения не выехал) и Фудзивара Норимити (5-й придворный ранг получил в 10 лет, с 11 лет на командных должностях в гвардейских управах, в 12 лет назначен помощником управителя в провинции Оми, но к месту назначения не выехал) не обладали к тому времени необходимыми навыками, да и особых похвал со стороны начальства во время своей службы не удостоились.

выездов», служит подтверждением необходимости соглашения между правителем и сановными особами ради блага государства. Способность реализации государем мироустроительной функции увеличивала престиж и укрепляла власть правителя среди столичной аристократии и местной знати. Миротворчество правителя и имидж беспристрастного судьи оказывались мощными средствами ведения придворной политической игры.

Зачастую правитель отправлял вместо себя в отдаленные районы других лиц, что в немалой степени было связано с процессом сакрализации японского государя. Необходимость делегирования властных полномочий государя управителям провинций крылась как в безопасности правителя, так и в особенностях ландшафта японского архипелага. Самодостаточность отдельных регионов, ставшая причиной сепаратизма местной элиты, совмещенная с труднодоступностью дальних территорий (путешествие государя в отдаленные районы с соблюдением всех формальностей, приличествующих его персоне, требовало длительного времени и колоссальных затрат), диктовали осторожность в вопросах планирования дальних поездок правителя, ибо они считались небезопасными. Более того, чрезвычайно «активный» правитель (в том числе и в области передвижений за пределами дворцового комплекса) мог воспри-

ниматься придворной элитой как склонный к иррациональному поведению и даже «душевно большой»²⁶.

По всей вероятности, нужно осмотрительнее относиться к мнению отдельных отечественных исследователей, полагающих, что в эпоху Хэйан государи практически не покидали дворец и, руководствуясь концепцией «недеяния», представляли собой эталон «малоподвижности» в пространстве (*угоканай микадо*). Если историко-литературные и литературные источники эпохи Хэйан дают повод рассуждать о пространственной «близорукости» знати в позднихэйанские времена, то камбунные дневники сановников, исторические своды и документальные материалы не позволяют подтвердить такие гипотетические построения. Император Итидзё (прав. 986–1011), к примеру, совершил 16 поездок только за пределы столицы, а государь Сиракава (прав. 1072–1086) покидал во время «высочайших выездов» столицу 34 раза. Даже весьма слабый здоровьем Энью (прав. 969–984) три раза отправлялся в поездки [*Кокё гёко нэнпё*, 1998, с. 74–77, 79–87, 112–118]. В современной японской исторической науке такое предубеждение, восходящее к традиционной историографии и имеющее идеологические корни, уже преодолено [Нито Ацуси, 1998, с. 339–340, 360–362].

Для настоящего исследования имеет существенное значение, что в период Хэйан «высо-

26 Одним из «странных» государей (с точки зрения образа, запечатленного в историко-литературных источниках) был Кадзан (984–986), который, придя к власти в семнадцатилетнем возрасте, решил провести ряд значительных преобразований при дворе, а потому оказался неугоден придворной камарилье. Противостояние государя и двора закончилось принуждением Кадзана к отречению. Формальной причиной было нездоровье тела государя (болезненность правителя в эпоху Хэйан являлась мощнейшим инструментом придворной политической игры, чему есть многочисленные подтверждения в дневниковой литературе). Историко-литературные источники свидетельствовали, что государь этот, к тому же, являл невообразимые для персоны его ранга парадоксальности: передвигался по столице в повозке, запряженной собаками; самолично садился на коня, дабы объехать столицу; впадал в состояния неконтролируемой ярости; своей эксцентричностью конфузил придворных дам; во время интронизации рядом со священным тронном (*Такамикура*) находилась служанка Кадзана, что было вопиющим нарушением существующих правил и т. д. Это был не единственный пример в японской истории, когда государь вступал в конфронтацию с сановными особами (в других случаях правители действовали более осторожно, что способствовало успехам в краткосрочной и долгосрочной перспективе), но, пожалуй, один из самых печальных. Справедливости ради констатируем, что большая часть «обвинений» в адрес Кадзана предстает в несинхронных его жизни пути источниках. В источниках синхронических «необычности» Кадзана не выглядят так удручающе (например, намерение снять корону, восседая на троне, объяснялось болями в области головы и шеи [*Сёюки* (Эйкан), 2–10–10, 984]) О «ненормальностях» поведения императора Кадзана, порождавших беспокойство двора, подр. см.: [Хаттори Тосиро, 2006, с. 113–126].

чайшие выезды» государей обретают символическую и практическую связь с практикой назначения государем управителей провинций. Новое политическое, социальное и символическое осмысление «высочайших выездов» может рассматриваться с различных углов зрения. При этом почетной обязанностью управителей провинций было сопровождение государева паланкина, если правитель проезжал по территории той или иной провинции. Начиная со второй половины X в. самыми распространенными формами таких поездок были посещения в синтоистских святилищ или буддийские храмов (*сядзи миюки*), почетные выезды к родителям (*тёкин миюки*), «гощение» в резиденциях принцев и сановников (*осиндай миюки*). В предшествующие времена (конец VIII – первая половина X в.) необычную популярность получает ритуальная охота (*юрё*, например, при государях Камму, Уда и Дайго).

Проиллюстрируем еще одну знаменательную особенность «высочайших выездов» в эпоху Хэйан, имеющую самое непосредственное отношение к обретению правителями нового статуса по мере углубления процесса сакрализации японского государя. Речь идет о так называемых *сядзи миюки* — посещениях синтоистских святилищ и буддийских храмов высочайшей персоной. Если поездка в буддийских храм предполагала присутствие государя в храмовом комплексе, то в случае с синтоистскими святилищами мероприятие приобретало любопытный характер.

Первое упоминание о поездке государя в синтоистское святилище относится к 942 г., когда Судзаку (прав. 930–946) изволил посетить святилище Камо, дабы завершить процедуру умиротворения державы после смуты Тайра Масакадо и Фудзивара Сумитомо (935–941) [*Нихон киракю* (Тэнгё), 5–4–29, 942; *Тююки* (Кахо), 2–4–15, 1095].

В то же святилище Камо в 1017 г. отправился и император Гоитидзё (прав. 1016–1036), отрок девяти лет от роду, в сопровождении матери (Фудзивара Сёси) и деда (Фудзивара Митинага). Однако на территорию святилища божественный правитель не смог ступить, поскольку являлся *арахитогами* — тем, кто вмещает божественную сущность, божеством явленным. По этой причине на границе территории подконтрольной божеству-ками, обитающему в святилище Камо, для государя соорудили временное пристанище, где он ожидал, пока специальный посланник (обычно в ранге высокопоставленного чиновника двора), которому император поручил от своего имени отправиться в святилище Камо, не исполнит почетные обязанности (поклонение святыне синтоистского святилища, подношение даров *ками* святилища, участие в ритуальных танцевальных действиях и т. д.) [*Сёюки* (Каннин), 1–11–25, 1017]²⁷.

Аналогичную картину мы обнаруживаем во время «высочайшего выезда» двенадцатилетнего государя Хорикава (прав. 1086–1107) в святилище Хиэ в 1091 г. Императору не было дозволено вступить на территорию святилища, дабы не произошло «конфликта» между *ками* святилища Хиэ и божеством, обитающим в теле государя [*Тююки* (Кандзи), 5–3–11, 1091 г.]. Небезынтересно, что уже отрекшийся император (*инсэй*) Сиракава, в том же году посетивший святилище Хиэ, также был вынужден отказаться от личного присутствия на земле, подконтрольной божеству святилища, хотя его положение существенно отличалось от статуса императора (после процедуры ритуала отречения от престола, как считается, «божественная сущность» предшествующего правителя «выходит» из царственного тела)²⁸ [*Тююки* (Кандзи), 5–2–11, 1091 г.].

Подведем краткие итоги.

Рассмотрение письменных источников, повествующих о «высочайших выездах» — *миюки*

27 Когда в 989 г. Итидзё (отец императора Гоитидзё) решил посетить святилище Касуга, находящееся в пяти километрах от императорского дворца, он также не смог самолично участвовать в ритуалах почитания святынь Касуга дзиндзя [*Сёюки* (Эйсо), 1–3–22, 989].

28 О церемонии отречения от престола в X–XII вв. подр. см.: [Фудзимори Кэнтаро, 2000, с. 256–284].

в эпоху Хэйан, показало, что обрядовые своды («Сайкюки», «Бокудзансё», «Гокэ сидай» и т. д.), содержат преимущественно сведения о правилах проведения церемониальных мероприятий. Для создания эффективной источниковедческой модели материалов обрядовых сводов недостаточно. Необходимо задействовать информационный потенциал источников, способных проиллюстрировать применение существующих регламентов на практике. Плодотворным в этом плане представляются дневники придворных сановников и общие исторические своды, ибо ресурс даже нескольких единиц таких трудов (из всего имеющегося многообразия) позволяет существенно скорректировать имеющиеся представления о «высочайших выездах» государей в период Хэйан, формируя целостное восприятие повседневности божественных правителей в традиционной Японии.

Научный метод — это средство извлечения новой информации, поскольку историческая реконструкция создается на основе сведений, полученных из первичных материалов (источников), а потому тщательность избрания совокупности приемов, норм и процедур с исходными данными создает условия для успешного решения исследовательских задач. Установление «сетки координат» и поиск ориентиров в этой связи приобретает колоссальное значение. Надо отдавать отчет в том, что обнаружение полифункционального комплекса «высочайших выездов» японских государей в период Хэйан — продукт личных умозаключений, требующих и упорства, и осмотрительности при выдвижении предположений. В то же самое время тексты исторических источников — основное сырье для научного поиска — отчетливо свидетельствуют, что для людей хэйанской поры «высочайший выезд» не расчленился на разнообразные функции, а представлял лишь вычурное обыкновение; имеющий давние корни обычай, которому надлежало следовать, поскольку он позволял закрепить устоявшуюся практику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бокудзансё (Заметки с Северной горы). Токио: Синто тайкэй, 1994 [*Bokuzansho (Notes of the Northern Hills)*]. Tokyo: Shinto taikai, 1994 (in Japanese)].

Гисики. Дайрисики (Церемониал. Дворцовые установления). Токио: Синто тайкэй, 1981 [*Gishiki. Dairishiki (Inner Palace Regulations)*]. Tokyo: Shinto taikai, 1981 (in Japanese)].

Гокэ сидай (Домашний распорядок дома Оэ). Токио: Синто тайкэй, 1991 [*Goke shidai (Order of Procedures and Celebrations According to the Oe Family)*]. Tokyo: Shinto taikai, 1991 (in Japanese)].

Грачёв М. В. Регламентация служебной деятельности японского раннесредневекового чиновничества (на примере процедуры должностных переаттестаций в эпоху Хэйан). *История и культура традиционной Японии 5*. СПб.: 2012 [Grachyov M. V. The Regulation of the Official Activity of the Early Medieval Japanese Officials (On the Procedure of Official Recertification in the Heian Era Example). *History and Culture of Traditional Japan – 5*. Sankt Petersburg: Giperion, 2012 (in Russian)].

Дзэнтюки (Записи из павильона для медитации). Токио: Сонкэй какубунко, 1999 [*Zenchuki (Recordings from the Meditation Pavilion)*]. Tokyo: Sonkei kakubunko, 1999 (in Japanese)].

Ёсинао Ниттамати. Токатэки хёгэн ёсикини цуйтэ [Символическая суть «песенного шествия»]. *Research Memories of the Kobe Technical College*. 1997. № 35. С. 89–93 [Yoshinao Nittamachi. Tokateki hyogen yoshiki ni tsuite (The Symbolic Content of the “Song Procession”). *Research Memories of the Kobe Technical College*. 1997. No. 35. Pp. 89–93 (in Japanese)].

Касахара Хидэхико. Кодай гёко-но сэйдзитэки кино (Политическая функция «высочайших выездов» в древности). *Хогаку кэнкю, хорицу, сэйдзи, сякай*. Т. 66, № 6, 1993 [Kasahara Hidehiko. Kodai gyoko no seijiteki kino (A Study on the Political Aspect of Ancient Imperial Institution). *Hogaku kenkyu, horitsu, seiji, shakai*. Vol. 66, № 6, 1993 (in Japanese)].

Кокё гёко нэмпё (Ежегодная хронология поездок императоров). *Такума Наоки (ред)*. Токио: *Дзоку гунсё руйдзю кансэй кай*, 1998 [*Kokeyo gyoko nenpyo (Annual Chronology of Emperors Travel)*]. Ed. by Takuma Naoki. Токио: Zoku gunsho ruiju kansaikai, 1998 (in Japanese)].

Мидо кампакуки (Записи канцлера из павильона Мидо). Токио: Ринсэн сётэн, 1952–1954 [*Midokampakuki (Records of the Chancellor from Mido Pavilion)*]. Токио: Rinsen shoten, 1952–1954 (in Japanese)].

Нито Ацуси. *Кодай окэн то тодзё (Власть и столицы в древности)*. Токио: Ёсикава кобункан, 1998 [Nito Atsushi. *Kodai oken to tojo (Power and Capitals in Ancient Times)*]. Токио: Yoshikawa kobunkan, 1998 (in Japanese)].

Нихон киряку (Краткие записи о Японии). Токио: Ёсикава кобункан, 1929 [*Nihon kiriyaku (Abbreviated Chronicles of Japan)*]. Токио: Yoshikawa kobunkan, 1929 (in Japanese)].

Нихон коки (Поздние анналы Японии). Токио: Ёсикава кобункан, 1980 [*Nihon Koki (Later Chronicle of Japan)*]. Токио: Yoshikawa kobunkan, 1980 (in Japanese)].

Оота Сэйроку. *Удзи кампаку Фудзивара Ёримити-но тэйтаку Такаёин (Усадьба Такаёин канцлера Фудзивара Ёримити)*. *Нихон рэкиси*. 1981. № 401. С. 1–18 [Oota Seiroku. Uji kampaku Fujiwara Yorimichi no teitaku Takayoin (Chancellor Fujiwara Yorimichi's Takayoin Manor). *Nihon rekishi*. 1981. № 401. Pp. 1–18 (in Japanese)].

Рё-но сюгэ (Гражданские законы с расширительными комментариями). Т. 1–4. Токио: Ёсикава кобункан, 1972 [*Ryo no shuge (Collected Commentaries on the Administrative Codes)*]. Токио: Yoshikawa kobunkan, 1972 (in Japanese)].

Рицурё (Уголовные и гражданские законы). Токио: Иванами сётэн, 1994 [*Ritsuryo (Criminal and Civil Laws)*]. Токио: Iwanami shoten, 1994 (in Japanese)].

Сайкюки (Записи из Западного дворца). Токио: Синто тайкэй: 1993 [*Saikyuki (Notes of the Western Residence)*]. Токио: Shinto taikai, 1993 (in Japanese)].

Сёку нихонги (Продолжение анналов Японии). Токио: Иванами сётэн, 1992–1996 [*Shoku Nihongi (Chronicle of Japan, Continued)*]. Токио: Iwanami shoten, 1992–1996 (in Japanese)].

Сёюки (Записи правого министра из рода Онономия). Токио: Ринсэн сётэн, 1959–1986 [*Shoyuki (Records of the Right Minister Ononomiya)*]. Токио: Rinsen shoten, 1959–1986 (in Japanese)].

Судзук Кэйдзи. *Нихон кодай-но гёко («Высочайшие выезды» в древней Японии)*. *Хисутория*. 1989. № 125 [Suzuki Keiji. *Nihon kodai no gyoko (Ancient Japanese “Emperor’s Visits”)*. *Hisutoria*. 1989. No. 125 (in Japanese)].

Танаами Хироси. *Кодай-но коцу (Древняя транспортная коммуникация)*. Токио: Ёсикава кобункан, 1969 [Tanaami Hiroshi. *Kodai no kotsu (Ancient Transport Communication)*]. Токио: Yoshikawa kobunkan, 1969 (in Japanese)].

Тёя гунсай (Обозрение двора и дальней округи). Токио: Ёсикава кобункан, 1964 [*Choya gunsai (Writings of the Court and Provinces)*]. Токио: Yoshikawa kobunkan, 1964 (in Japanese)].

Тэйсин коки (Записи господина Саданобу). Токио: Ринсэн сётэн, 1956 [*Teishin koki (Records of the Sadanobu)*]. Токио: Rinsen shoten, 1956 (in Japanese)].

Тююки (Записи правого министра). Токио: Ринсэн сётэн, 1934–1935 [*Chuuyuki (Records of the Right Minister)*]. Токио: Rinsen shoten, 1934–1935 (in Japanese)].

Фудзимори Кэнтаро. *Кодай тэнно-но сокуи гирэй (Ритуал интронизации императоров древности)*. Токио: Ёсикава кобункан, 2000 [Fujimori Kentaro. *Kodai tenno no sokui girei (The Ritual of Enthronement of Emperors in Ancient Japan)*]. Токио: Yoshikawa kobunkan, 2000 (in Japanese)].

Хаттори Тосиро. *Отё кидзоку-но бёдзё синдан (Диагнозы болезней придворной знати)*. Токио: Ёсикава кобункан, 2006 [Hattori Toshiro. *Ocho kizoku no byojo shindan (Diagnosis of Diseases of the Court Nobility)*]. Токио: Yoshikawa kobunkan, 2006 (in Japanese)].

Хёханки (Записи главы Военного ведомства). Т. 1–5. Токио: Ринсэн сётэн, 1965 [*Hyobanki*

(*Notes of the Head of the War Department*). Vol. 1–5. Tokyo: Rinsen shoten, 1965 (in Japanese)].

Хэйан ибун (Свод сохранившихся документов эпохи Хэйан). Т. 1–13. Токио: Ёсикава кобункан, 1947–1980 [*Heian ibun (Collection of the Archival Documents of Heian Japan)*]. Vol. 1–13. Tokyo: Yoshikawa kobunkan, 1947–1980 (in Japanese)].

Ши цзин (Книга песен и гимнов). Пер. А. Штукина. М.: Художественная литература, 1987 [*Shi-jing (The Book of Songs)*]. Tr. by A. Shtukin. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura, 1987 (in Russian)].

Энгисики (Церемониал годов Энги). Токио: Ёсикава кобункан, 1998 [*Engishiki (Regulations of the Engi Era)*]. Tokyo: Yoshikawa kobunkan, 1998 (in Japanese)].

Янагио Таро. Тёфусики то хиякусики (Нормативы «летающей почты», государевы рескрипты и распоряжения Большого государственного совета). *Нихон рэкиси*. 2012. № 765. С. 1–15 [Yanagio Taro. Chofushiki to hiyakushiki (Flying Mail Regulations, Imperial Rescripts and Orders of the Grand Council of State). *Nihon rekishi*. 2012. No. 765. Pp. 1–15 (in Japanese)].

